

СЕНБЕРНАР

Водопровод был взорван перед приходом немцев. Вода, пробившись откуда-то из-под земли, наполнила каменный котлован старого мытного колодца. Образовался глубокий водоем, которым пользовалось население всех ближайших улиц. Чтобы набрать воды, надо было сползти по крутой, обледенелой дорожке, лечь на живот у края колодца и, опустив привязанное ведро, утопить его в черной глубине. Еще труднее было вытаскивать полное ведро и подниматься с ним на скользкую горку.

Коля Гусев поднял последнее, шестое ведро. Бочка была полна до краев. Мальчик столкнул с места примерзшие салазки и, впрягшись, потащил их домой. Идти было недалеко, но и не близко — пять кварталов. Смеркалось. На улице точно все вымерло, редко-редко

---

* В годы Великой Отечественной войны Евгений Горбов написал повесть «Мирные жители». В ней рассказывается о героической борьбе советских людей против фашистских захватчиков в одном из оккупированных русских городов.

Рассказ «Сенбернар» является отрывком из этой повести.

мелькала у ворот фигура какой-нибудь хозяйки, — накрывшись шалью, она спешила перебежать к своей соседке. Над заборами тлела печальная декабрьская заря, и на ее желтом фоне четко выделялись трубы, телефонные провода, голые деревья с галочьими гнездами.

Коля не спешил. Он любил этот вечерний час и хрусткую морозную тишину. С полпути улица сламывалась и шла под гору. Впереди были одни дома и заборы, но Коле всегда казалось, что сейчас откроется крутой обрыв и с высоты будет видно то место, куда уходит гаснущая заря.

Мальчик уже приближался к своему переулку, когда из-за угла вышел человек, ведущий в поводу лошадь. «Немец!» — подумал Коля. Человек придержал лошадь, дожидаясь приближения салазок.

— Хальт! — сказал он мальчику.

Коля не остановился, точно он ничего не слышал.

— Хальт! — злым, срывающимся голосом заорал гитлеровец.

Коля застыл на месте. Немец распустил повод и, сердито бормоча, пнул лошадь по направлению к бочке. Та принялась пить. Длинный и худой солдат, обутый в огромные сапоги, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Его голова была обвязана тряпкой, и концы тряпки болтались, как заячьи уши. На носу у солдата висела длинная капля. Коля покосился на эту каплю, на озябшее несчастное лицо гитлеровца и невольно улыбнулся. По-видимому, немец заметил улыбку. Он еще раз зло пнул ни в чем не повинную лошадь и, не дав ей напиться вволю, резко натянул повод. Они пошли назад — понурый конь и его сердитый хозяин, — на фоне зари под горой еще долго маячила растрепанная, похожая на кочан капусты голова гитлеровца.

«Вот чучело огородное», — подумал Коля и, опрокинув бочку, побрел обратно к колодцу. Он был удивлен и, пожалуй, даже разочарован: ему доводилось раньше и читать и слышать о немецких солдатах, об их танках, минометах, автоматах, и, стараясь представить себе фашистов, он всякий раз видел бронированных чудовищ, нечто вроде механических роботов. Но, оказывается, они не так уже страшны; вместо брони у них задрипанные шинелишки, вместо гордого вида завоевателей — капля на носу.

Было уже темно, когда Коля вторично добрался до своего переуллка. Въехав к себе во двор, он с удивлением осмотрелся. Возле ворот стояли какие-то повозки, из-под навеса слышалось фыркание лошадей. Откуда взялось все это? Вдруг хлопнула дверь, и из дома вышел незнакомый человек с фонарем в руках. Он направил луч света на лицо мальчика, и Коля даже отшатнулся: перед ним стоял тот самый немец, который недавно поил лошадь из его бочки. Солдат также узнал Колю. На его костлявом лице появилась кислая улыбка.

— А-а, вода... Корош... Вода это корош...

Отстранив мальчика, он подхватил веревку от салазок и повез бочку под навес. Там он выплеснул воду в какое-то корыто и снова сунул веревку в руки мальчика.

— Ты будешь ишшо привозить вода... Па-ашел!

— Ничего я не буду, — возмущенно отозвался Коля.

— Па-ашел, па-ашел! — повторил немец, видимо, довольный тем, что ему так хорошо удается это русское слово. — Па-ашел!

И, повернув Колю лицом к воротам, пнул его в спину.

Мальчик снова побрел к колодцу.

Вернулся он часа через два. Его мокрая и обледенелая куртка стала твердой, как кольчуга, на брюках повисли сосульки. Стараясь не шуметь, чтобы снова не привлечь внимание солдата, он осторожно поставил бочку в укромный закоулок и на цыпочках вошел в дом.

— Что так долго? — спросила его мать.

— Так, — хмуро ответил Коля.

— А к нам немцы лошадей поставили, — шепнула Гусева.

— Видел, — коротко отозвался сын. — А где солдат?

— Там... — мать показала на боковую комнатку. — Уже дрыхнет.

В эту ночь Коля спал как убитый. Ему приснилось, будто он приехал за водой и опустил в колодец ведро. Оно булькнуло и потонуло. Вода была черная, густая и маслянистая, и по ней расходились тусклые блики. Коля потянул ведро назад, но оно не поддавалось. Он перегнулся через край, чтобы узнать, в чем дело, и вдруг его охватило невыносимым холодом колодца, смертельной

стужей ледяной воды. Холодней всего почему-то было ногам. Коля подергал веревку, но ведро точно примерзло. Между тем холод, расходясь от ног, охватывал все тело. Мальчик поежился, перевернулся с одного бока на другой, но это не помогло. Он слегка застонал и открыл глаза. У его кровати стоял вчерашний солдат и медленно тащил с него одеяло.

— Па-ашел, — сказал гитлеровец, видя, что Коля проснулся.

— Иди ты к черту! — огрызнулся мальчик и вновь натянул на себя одеяло.

— Па-ашел! — крикнул солдат, отбрасывая одеяло в сторону.

Мальчик поднялся. Его ноги были босы, сквозь швы ветхой майки просвечивало тело. Солдат кисло улыбнулся. Коле очень хотелось плюнуть в его тощую физиономию, но, посмотрев на своих домашних, на их серьезные, напряженные лица, он сдержался и, закусив губу, начал одеваться.

— Па-ашел, — сказал солдат, показывая на дверь.

Коля привез полную бочку. Этого было вполне достаточно, чтобы напоить лошадей, но солдат, недовольный строптивостью мальчика, нарочно расплескал половину воды. Коля, не успев позавтракать, снова пошел к колодцу.

С этого дня так и повелось. Немец, который состоял при лошадях кем-то вроде конюха, взвалил на Колю все заботы о воде. Это была нелегкая обязанность. У солдата оказался преподлейший характер, и он не упускал ни одного случая поиздеваться над мальчиком: то как бы нечаянно спотыкался о полное ведро и проливал его на землю, то опрокидывал корыто, из которого пили лошади, и вода уходила в снег.

Этот немец! Вечно хмурый и недовольный, он, казалось, дулся на весь белый свет. Ухаживая за лошадьми, он замахивался на них лопатой, встречаясь с русскими, поворачивался к ним спиной. Его нос всегда уныло хлюпал, а глаза слезились от ветра и мороза.

— Сушная болячка, — говорила про него Гусева.

Солдат отлично видел, как ненавидит его Коля, и становился все требовательнее и придирчивей. Если Коля запаздывал с бочкой, он шел навстречу мальчику и подглядывал из-за угла, не сел ли тот отдохнуть. Дома

немец следил за каждым шагом мальчика и, едва замечал, что тот хочет заняться своими делами, тотчас же тащил его на двор и совал ему веревку от салазок:

— Па-ашел!

Однажды Коля сидел за обеденным столом. Он только что придвинул к себе тарелку и собирался проглотить первую ложку щей, как вдруг в комнату вошел солдат. Он посмотрел на Колю и сделал ему знак рукой: пойдём. Мальчик не шевельнулся. Гитлеровец повторил свой знак. Коля яростно затряс головой и показал на тарелку: дай, мол, поесть. Немец, не говоря ни слова, с панихидным выражением на лице подошел к столу и схватил Колю за ухо. Коля вскочил. Лицо его вспыхнуло, рука потянулась к кухонному ножу, который лежал на столе. «Коленька!» — негромко вскрикнула Гусева. Мальчик посмотрел на мать, на отца, на своих братишек и сестренку и отвел руку. Немец почувствовал свою победу и еще сильнее закрутил его ухо. Коля, опустив глаза, последовал за солдатом.

Немец не давал ему ни минуты передышки. Мальчик потерял счет привезенным бочкам. Его куртка никогда не просыхала, колени лоснились от вечного ерзанья по краю колодца. Но больше всего его мучила мысль о том, что он превратился в какого-то батрака, в раба, которым помыкает сопливый фашист. Мальчик осунулся, побледнел.

«Немецкий водовоз», — думал он о себе.

Когда Коля вспоминал о недавнем прошлом, оно казалось ему сном. В самом деле, было ли это — школа, книги, разговоры с товарищами? Всего неделя прошла с тех пор, как он ходил в библиотеку, сидел за партой — и как уже далеко все это! Иногда, волоча на гору салазки, он начинал думать о прочитанных книгах. Весной он увлекался Конан Дойлем, Хаггардом, Джеком Лондоном, но за последние месяцы в его вкусах произошла перемена, и он потянулся к Толстому, Тургеневу, Чехову. Толстовское «Воскресение» до сих пор лежит недочитанным в ящике стола. Удастся ли теперь его дочитать? Коля вспоминал о своих занятиях радиотехникой, о том, как он мечтал сконструировать собственный приемник. Прощайте, мечты! Может быть, никогда у него не будет ни приемника, ни фотоаппарата, ни велосипеда, может быть, никогда он не узнает что случилось с Катюшей Масловой и князем Нехлюдовым.

Тоска охватывала мальчика. Что же делать? Ах, если бы у него была помощь, защита! Но помощи ждать не от кого. Коля начинал жалеть о том, что у него нет старшего брата. Он вспоминал про отца, и ему чуть ли не первый раз в жизни становилось обидно, что у него такой боязливый, слабосильный отец. Да, в семье он не найдет защитников. И, стиснув зубы, задыхаясь под тяжестью обледенелой бочки, Коля яростно подгонял самого себя:

— Но, но, немецкий водовоз!

Солдату очень нравилось, что у него завелся послушный слуга. Он начал пыжиться и важничать. Однажды он подозревал Колю и, тыча себя в грудь, выразительно проговорил:

— Герр Бернгард...

Коля сразу понял, чего хотелось солдату, но тем не менее сделал простоватое лицо и промолчал.

В тот же день солдат повторил свой опыт. Во двор пришли два немца, жившие поблизости. Солдат опять подозревал к себе Колю и, важно глядя на него, сказал:

— Герр Бернгард... герр Бернгард...

И снова потыкал себя в грудь пальцем.

— Сенбернар... сенбернар... — с наивным видом повторил Коля.

Немцы, которые с интересом наблюдали за этой сценой, покатались со смеху. Солдат сердито покраснел и еще раз медленно и раздельно произнес:

— Герр Берн-гард...

Но тут Коля бросил свою игру.

— Сен-бернар... — сказал он, откровенно передразнивая немца.

У солдата сделались злые-презлые глаза, он замахнулся на Колю, но не ударил, а только в знак немилости опрокинул бочку, в которой было ведра три воды, и сунул мальчику веревку от салазок.

«Ладно, — подумал Коля, впрягаясь в салазки, — привезу. Все равно ты сенбернар».

Когда он вернулся с водой, солдат посмотрел на него зверем и, подойдя к бочке, молча опрокинул ее набок. Убедившись в том, что вода вытекла до последней капли, он молча ткнул Коле обледенелую веревку. Коля принял веревку с таким видом, точно ничего не произошло.

«Ладно, — думал он, — все равно ты сенбернар».

Когда он привез вторую бочку, история повторилась сначала. Коля в третий раз пошел к колодцу. Отец, мать и все домашние с ужасом и жалостью смотрели на мальчика.

— Коленька, дай я его попрошу. Может, отвяжется, — шепнул Гусев.

— Не надо! — решительно сказал Коля. — Не смей просить.

Но когда была опрокинута и третья бочка, он упал духом. Его рубашка промокла от пота, руки и ноги нестерпимо ныли. К тому же ему страшно хотелось есть. Он с утра не проглотил ни крошки, а день уже клонился к вечеру. Злоба охватывала мальчика.

«Хорошо же, фашистская болячка, — думал он, — хоть ты разорвись на части, а я сейчас отдохну».

Он наполнил бочку, поднялся с нею до половины горки и, подложив под полозья полосу старого железа, сел на камень.

«Сенбернар...» — вполголоса сказал мальчик и засмеялся.

Но вслед за этим его мысли приняли мрачное направление. Дело складывалось скверно. Еще два-три таких денька, и солдат изведет его окончательно. Все клонится к этому. Надо принимать какие-то меры, что-то придумать.

Мальчик затравленно озирался. С горки была видна почти вся слобода, ее крыши, палисадники и заборы; над трубами вставали совершенно прямые столбы розоватого дыма; все было мирно и спокойно. В такие тихие морозные вечера Коля ходил, бывало, кататься на салазках. Ах, как хорошо было лететь с горки, слушая свист ветра и тонкий визг снега!

Коля горько призадумался. Он слышал от соседей, что Красная Армия, оставив город, закрепилась где-то недалеко, километрах в тридцати отсюда. Если бы удалось незаметно выйти из города и пробраться через поле к синеватому леску! Там, за лесом, жизнь—родная русская речь, привычные лица, ушанки с красными звездами, там спасение. Да, надо бежать, пока не поздно. Домашние обойдутся и без него. Правда, обидно бежать, не рассчитавшись с немцем. Хорошо бы оставить ему память о себе...

— Па-ашел! — донеслось вдруг сверху.

Коля посмотрел: солдат стоял на краю горки и сердито размахивал руками. Мальчик взял веревку и затоптался на одном месте, делая вид, что не может сдвинуть салазки.

— Па-ашел! — кричал немец, осторожно бочком спускаясь вниз.

— Помог бы лучше, болячка чертова, чем глотку драть, — пробормотал Коля, трогая салазки.

Немец посмотрел на него высокомерно. Коля потащился вверх, а солдат сошел вниз и остановился у водоема. Что его там заинтересовало? Он стоял, сгорбившись, заложив руки в рукава, и смотрел на черную, подернутую ледяным салом воду.

Коля оглянулся. Дорожка сбегала вниз прямая, как стрела. Кругом не было ни души. Мальчик помедлил секунду и разжал пальцы. Салазки, нагруженные тяжелой бочкой, рванулись вниз, как снаряд. Солдата ударило под колени, затем в спину. Он вскинул руки и камнем рухнул вниз. В колодце зашуршало, зашипело, и оттуда вместе с коротким воплем вырвался сноп брызг и мелких, звенящих, как стеклышки, льдинок.

Коля взбежал на горку и, не оглядываясь, зашагал по направлению к слободе. Он шел навстречу полю, лесу, навстречу свободной жизни.